

ИМПЕРАТИВ В ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗИИ ТУВИНЦЕВ

© Байлак Ооржак

THE IMPERATIVE IN TUVINIANS' RITUAL POETRY

Baylak Oorzhak

The article describes typical uses of the imperative indicators in the texts of Tuviniian ritual poetry. In the folklore texts under consideration, we find the forms of the imperative of the 2nd person singular and plural in the meaning of advice in blessings (*йөрээл*); the 2-nd person singular in the meaning of request in spells (*чалбарыг*); the 2nd person plural in the meaning of request in shamanic texts (*алгыш*); the forms of the third person singular and plural in an optative meaning (*йөрээл*) and curses (*каргыш*), as well as the forms of the 1st person of plural and dual number in the meaning of call in shamanic texts (*алгыш*). Expressed by these imperative forms, particular imperative values are formed as a result of the combination peculiarities of such structural semantic properties of the imperative as its categorical, controllable, personal, and also semantic features related to the personality of the causal action performer and the nature of the addressee (a person or a non-person with the 2nd person imperative), which as a whole enter different combinations with the meanings of desire and inducement - the basic semantic components of the imperative. These semantic signs are obligatory organizing linguistic components of Tuvan ritual poetry texts. It is noted that, in the language of ritual poetry, in contrast to speech and literary texts, such signs of the imperative as categoricity and controllability appear to be weaker, which, on the one hand, can be explained by a greater share of desire semantics and, correspondingly, a lesser presence of the component of motivation in blessings, on the other, by the nature of the addressee - a non-person in shamanic texts and spells.

Keywords: imperative, particular imperative meanings, ritual poetry, blessings, incantations, shamanic texts, good wishes, curses.

В статье описываются типовые употребления показателей императива в текстах обрядовой поэзии тувинцев. В рассматриваемых фольклорных текстах участвуют формы императива 2-го лица ед. и мн. числа в значении совета в благословениях (*йөрээл*); 2-го лица ед. числа в значении просьбы в заклинаниях (*чалбарыг*); 2-го лица мн. числа так же в значении просьбы в шаманских текстах (*алгыш*); формы 3-го лица ед. и мн. числа в оптативном значении (*йөрээл*) и проклятиях (*каргыш*), а также формы 1-го лица мн. и двойственного числа в значении призыва в шаманских текстах (*алгыш*). Выражаемые данными императивными формами частные императивные значения формируются в результате особенностей сочетаний таких структурных семантических признаков императива, как категоричность, контролируемость, персональность, а также семантическими особенностями, связанными с персональностью исполнителя каузируемого действия, характером адресата (лицо или не-лицо при императиве 2-го лица), которые в целом сочетаются в разных комбинациях со значениями желания и побуждения – основными семантическими составляющими императива. Указанные семантические признаки являются обязательными организующими языковыми составляющими текстов обрядовой поэзии тувинцев. Отмечается, что в отличие от речи и художественного текста, в языке обрядовой поэзии такие признаки императива, как категоричность и контролируемость, проявляются слабее, что объясняется, с одной стороны, большей долей семантики желания и, соответственно, меньшим присутствием компонента побуждения в благословениях, благопожеланиях и проклятиях, с другой – характером адресата - не-лицом в шаманских текстах и заклинаниях.

Ключевые слова: императив, частные императивные значения, обрядовая поэзия, благословения, заклинания, шаманские тексты, благопожелания, проклятия.

Введение

Императивное высказывание является одним из самых главных модальных смыслов в языковом проявлении человеческой логики. Поэтому

императив (повелительное наклонение) имеет свое выражение во всех известных языках мира. В тувинском языке выделяется полная парадигма императива с оговорками о том, что «формы 1-го

лица ед., двойственного и мн. числа включаются в данную парадигму условно». Отмечается, что собственно императивное значение имеют лишь формы 2-го и 3-го лица, которые выражают различные степени побуждения к действию: приказание, призыв, просьбу, пожелание [Исхаков, Пальмбах, с. 391–394].

Наиболее полно значение императива, на наш взгляд, отражается в определении И. А. Мельчука: «Императив выражает приказание (в очень широком смысле) и представляет собой речевой акт, посредством которого говорящий выражает свою волю и пытается воздействовать на адресата, побудив его, таким образом, к желаемым действиям» [Мельчук, с. 155]. Мы также согласны с тем, что императив «является не только сообщением о желании, но и попыткой это желание реализовать, побудив некоторое лицо к осуществлению желаемого действия» [Добрушина]. Эти взгляды на природу императива наводят на понимание того, что в основе императива лежит значение побуждения (каузации), включающее в свою семантическую структуру сему желания, которое, в свою очередь, и является, видимо, по сути, причиной побуждения. С этой точки зрения кажущаяся разноплановость значений императива объясняется следующим образом: существующие особенности выражения императивного значения обусловлены разнообразными сочетаниями значений желания и побуждения со значениями категоричности и контролируемости в зависимости от участия говорящего в каузируемом действии, состава исполнителей (один, два, много), выражающегося в персональности, а также от характера исполнителя (ей) каузируемого действия (лицо или не-лицо). Все эти зна-

чения, выступая в разной комбинации и с разной долей участия в зависимости от лица каузируемого субъекта действия, и формируют парадигму императива.

Таким образом, императивная парадигма в тувинском языке представляет собой систему реализаций семантических компонентов желания и побуждения, проявляющихся с разной степенью их преобладания в зависимости от персональности заинтересованного в каузируемом действии лица, а также характера субординационных отношений между участниками речевого акта и степенью вовлеченности в каузируемое действие самого говорящего (S).

Тувинская парадигма императива включает семь показателей:

1) три показателя 1-го лица: форма ед. числа (1 Sg) на =айн (=ыйн, =ейн, =ийн, =уйн, =үйн); форма множественного числа (1 Pl) на =аалыңар (=ыылыңар, =ээлиңер, =иилиңер, =уулуңар, =үүлүңер); форма двойственного числа (1 Dual) на =аал(ы) (=ыыл(ы), =ээл(и), =иил(и), =уул(у), =үүл(ү));

2) два показателя 2-ого лица: форма ед. числа (2 Sg) без показателя (=Ø) и форма множественного числа (2 Pl) на =ңар (=ңер, =ыңар, =иңер, =уңар, =үңер);

3) два показателя 3-его лица: форма ед. числа (3 Sg) на =зын (=зин, =зун, =зүн; =сын, =син, =сун, =сүн) и форма множественного числа (3 Pl) на =зын(нар) (=зин(нер), =зун(нар), =зүн(нер); =сын(нар), =син(нер), =сун(нар), =сүн(нер)) числа.

Семантическая структура императива в тувинском языке представляется следующим образом (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Сематическая структура императива в тувинском языке

Лицо и число	Характер субъекта-исполнителя	Вовлеченность говорящего в исполнение каузируемого действия	Субординация	Семантические компоненты				Частные императивные значения, оптативные
				Ж	П	КТ	КН	
2 Sg / Pl	A-P	-	S>A-P	+	++	++	++	приказ ¹
	A-non P	-	S<A-P	+	++	++	+	просьба
3 Sg / Pl	R-P	-	S>R-P	+	++	++	+	косвенный приказ
			S>R-P	+	+	+	-	пожелание
1 Dual / Pl	S-A-P	+	S≥A-P	+	++	++	++	призыв
1 Sg	P	++	Ø	+	+	+	Ø	намерение

¹ О семантических интерпретациях императива (приказ, просьба, инструкция, предложение, разрешение, совет и санкция) и соответствующих им типов отношений см. подробнее в [Храковский, Володин]. В данной статье и приводимой таблице даются основные семантические интерпретации императива в тувинском языке.

Символы, используемые в таблице: Ж – желание, П – побуждение, КТ – категоричность, КН – контролируемость, А-Р – адресат(ы)-лицо(а); А-non Р – адресат(ы)-не-лицо(а); R-P – референт(ы)-лицо(а); R-non Р – референт(ы)-не-лицо(а); S – говорящий; ++ – сильное проявление признака; + – слабое проявление признака; - – отсутствие признака; Ø – признак не маркирован.

Основными значениями императива 2-го лица в тувинском языке являются выражение категоричного приказа и настойчивой просьбы (побуждение проявляется здесь в высокой степени), направленные прямому(ым) адресату(ам)-лицам. Степень контроля в выражении просьбы является низкой при адресате(ах)-лице(ах) и полностью отсутствует при адресате(ах)-не-лице(ах). Также степень категоричности является пропорционально низкой при адресате(ах)-лице(ах), так как при просьбе говорящий в социальной субординации находится на ступень ниже, чем адресат-исполнитель-лицо, и говорящий ставит свой статус ниже, чем адресат-исполнитель-не-лицо².

В императиве 3-го лица выражается косвенный приказ, в котором проявляются побуждение и категоричность в высокой степени, тогда как контролируемость – в низкой. Пожелание предполагает проявление степеней побуждения и категоричности в низкой степени и отсутствие признака контролируемости.

Императивом 1-го лица двойственного и мн. числа выражается призыв к совместному действию, проявляющийся в высокой степени побуждения, категоричности, а также контролируемости, так как одним из исполнителей каузируемого действия является сам говорящий. Сочетание значений желания, самопобуждения и категоричности в 1-м лице ед. числа трансформируется в значение намерения-готовности к действию в результате осознанной необходимости собственного действия.

Таким образом, императив имеет полевою структуру, интегрирующими семантиками которого являются значения желания и побуждения (см. об этом подробнее [Гусев]), проявляющиеся в той или иной степени концентрации в отдельных показателях императива. Центром поля императивности в тувинском языке являются показате-

ли императива 2-го лица ед. и мн. числа (2 Sg / Pl), выражающие прямое побуждение адресату(ам)-лицу(ам) (А-Р), а также адресату(ам)-не-лицу(ам) (А-non Р). Несколько отстоят от них показатели 3-го лица ед. и мн. числа (3 Sg / Pl), выражающие косвенное побуждение, направленное на референта-лицо или референтов-лиц (R-P). Если же исполнителем каузируемого действия выступает референт-не-лицо (R-non Р), то в семантике формы 3-го лица начинает преобладать сема желания, здесь проходит граница поля императива и поля оптатива. Формы первого лица относятся к дальней периферии поля императива. Причем показатели 1-го лица двойственного (1 Dual) и мн. числа (1 Pl) располагаются относительно ближе к центру поля по сравнению с показателем 1-го лица ед. числа (1 Sg).

Императив в обрядовой поэзии тувинцев

В обрядовой поэзии тувинцев показатели императива образуют стандарты, регулярно употребляющиеся в языке данных текстов³: в заклинаниях (*чалбарыг*) – форма императива 2-ого лица ед. числа; в благословениях (*йөрээл*⁴) – формы императива 2-ого лица ед. и мн. числа; в текстах шаманских камланий (*алгыш*⁵) – формы императива 2-ого лица мн. числа и 1-ого лица мн. числа; в благопожеланиях (*йөрээл*) и проклятиях (*каргыш*) – формы императива 3-ого лица ед. и мн. числа.

Особенностью употребления императива в текстах обрядового фольклора является то, что исполнителями и соисполнителями действия могут выступать не-лица. Тогда как в художественном тексте и речи исполнителями каузируемых действий обычно являются лица, поэтому контроль за исполнением действий говорящим в

³ Жанры обрядового фольклора тувинцев в статье даются в соответствии с классификацией в [Юша].

⁴ Для определения благопожеланий, благословений и напутствий, обращенных к людям, в тувиноведении принят один термин *йөрээл*.

⁵ Тексты шаманских камланий (*алгыш*) в императивном значении преимущественно обращены к не-лицам в функции призыва и просьбы о помощи и содействии, но они также с меньшей долей частоты могут быть адресованы к людям в функции благопожеланий и проклятий. Поэтому мы по характеру адресата разводим их на благопожелания, благословения, напутствия (*йөрээл*), с одной стороны, с другой – собственно шаманские тексты (*алгыш*).

² Нужно отметить, что категоричность императивного высказывания отражает субъективную позицию по отношению к обязательности / необязательности совершения каузируемого действия, так как реально каузируемое действие может не выполняться каузируемым исполнителем. Тут включается степень контроля исполнения каузируемого действия, которая проявляется в высокой степени при приказе, направленном на прямого адресата-исполнителя-лица и в низкой степени при выражении прямой просьбы и косвенного приказа.

той или иной степени возможен и он может представлять каузируемые действия как обязательные к осуществлению. В рассматриваемых же текстах (при субъекте не-лице) категоричность (обязательность) действия и степень контроля со стороны говорящего – слабые, поскольку говорящим не может быть предъявлено требование об обязательном исполнении каузируемого действия, исполнителем которого является не-лицо (не-человек). Таким образом, можно говорить, что в данных текстах преобладающее значение имеет желательность. Чем ниже категоричность и контролируемость, тем меньше проявляется побуждение и больше выражается желание. И чем выше контролируемость и категоричность, тем больше проявляется императивность. В Таблице 2 приводятся дистрибуция форм императива в репрезентации текстов обрядового фольклора и сведения о характере исполнителя(ей) каузируемого действия.

Таблица 2.
Формы императива в жанрах обрядового фольклора тувинцев

Фольклорные жанры	Лицо и число показателей императива	Исполнитель каузируемого действия
Благословения (<i>йөрээл</i>)	2 Sg / Pl	A-P Sg / Pl
Заклинания (<i>чалбарыг</i>)	2 Sg	A-non P Sg
Шаманские тексты (<i>алгыш</i>)	2 Pl	A-non P Pl
Благопожелания (<i>йөрээл</i>), проклятия (<i>каргыш</i>)	3 Sg / Pl	R-P Sg / Pl
Шаманские тексты (<i>алгыш</i>)	1 Pl	S-A-non P Pl

Целью данной статьи является рассмотрение императива как специализированного средства передачи внеязыковых смыслов и отношений, отраженных в обрядовой поэзии тувинцев. При этом в нашу задачу не входит тотальный анализ языкового материала тувинской обрядовой поэзии⁶, в объеме статьи будут представлены типовые употребления показателей императива в текстах обрядовой поэзии тувинцев как обязательные организующие языковые элементы в рассматриваемых фольклорных жанрах.

Употребление императива 2-го лица

Формы 2-го лица императива функционируют в условиях диалога говорящего и адресата-прямого исполнителя действия. Во 2-ом лице ед. числа побуждение направлено на исполнителя «ты». Множество прямых адресатов-исполнителей действия выражается формой 2-ого лица мн. числа «вы».

Использование формы 2-го лица императива в благословениях (*йөрээл*), напутствиях и наказах, обращенных говорящим непосредственно к адресату(ам)-лицу(ам), можно охарактеризовать как совет по поведению в той или иной жизненной ситуации:

(1) *Аргар ышкаш сезиктиг бол=Ø⁷!*

Айлаң куш дег ыраажы бол=Ø!

Ава ышкаш кээргээчел бол=Ø!

Ары ышкаш ажылчын бол=Ø! [Тыва хамнарның..., с. 201]

‘Будь, как архар, осторожным; будь, как соловей, певучим; будь, как мать, сострадательным; будь, как пчела, работающим!’ (Здесь и далее перевод наш – Б. О.)

(2) *Аът-хөлүңер күжүн төдүп,*

Ламалар чалап шуудеве=ңер.

Ал-бодуңарга эм-таң тарааш,

Арыг ханыңар соолдуруптар [Там же].

‘Не беспокойтесь, приглашая лам, тратя силы своих коней, они (ламы – О. Б.), посеяв лекарства в тела ваши, чистую вашу кровь выпарят’.

В отличие от приказа, совет обозначает, что каузация действия происходит по инициативе говорящего в пользу адресата, так как исполнение действия оказывается в интересах адресата (при приказе – в интересах говорящего) и его совершение возлагается на него. Значение совета в фольклоре выражает несколько слабую степень контроля и немаркированность контролируемости.

Особой функцией императива 2-го лица в значении *просьбы* является его использование в заклинаниях, прошениях милости и благополучия (*чалбарыг*) у невидимых человеку сил. Обзор источников показывает, что в заклинаниях, в основном, используется форма 2-го лица ед. числа. Говорящий обращается к не-лицу – очеловеченному, одухотворенному адресату-субъекту действия (духу-хозяину конкретной местности, духу-хозяину конкретного источника, духу-хозяину конкретной горы или тайги) с определенной просьбой и с верой, что на его просьбу

⁶ Сведения об особенностях языка, стилистики текстов обрядовой поэзии см. в [Юша].

⁷ Здесь и далее в примерах знаком «=» обозначается стык морфем, основы и показателя императива.

будет отклик и она будет осуществлена. Семантические составляющие значения просьбы таковы: каузация исходит от говорящего, исполнение действия находится в интересах говорящего, который находится ниже по социальным отношениям (при приказе и инструкции – говорящий находится выше адресата), исполнение действия возлагается на адресата (не-лицо), степени контроля и категоричности являются низкими, скорее, здесь присутствует значение ожидания ответной реакции на просьбу говорящего со стороны адресата-не-лица. Поэтому в выражении просьбы степень категоричности определяется как низкая, контролируемость выполнения каузируемого действия не маркирована:

(3) ...*Адап, сурап келдим, алдын аржааным!*

Човулаңым чоттулдуруп бер=Ø!

Аарыым арылдырып бер=Ø!... [Дарыма, с. 7]

‘...Я просить (тебя) пришел, золотой мой аржаан⁸! Облегчи мои страдания! Очисти меня от болезни!...’.

(4) ...*Өришээ-азыра=Ø, Хайыракан!*

Бертиңерде баадым, бээриңерни белетке=Ø,

Алырым аайла=Ø...

Бай таңдым, өришээ! [Там же, с. 10]

‘... Помилуй-позабься, Хайыракан!⁹ Я пришел к вам (букв.: к вашей этой стороне), готовьте, чем наделите (меня), приготовьте то, что я возьму... Богатая моя тайга, прошу милости!’.

В примере (4) употребляется императив 2-го лица ед. числа, но существительное *Берти=ңер=де* (эта сторона=POSS / 2PL=LOC) ‘перед вами’ (букв.: к вашей этой стороне) употреблено в форме принадлежности множественного числа. Подобная диспропорция наблюдается в некоторых текстах, когда шаман обращается с просьбой к олицетворенному могущественному адресату-субъекту. Употребление императива 2-го лица ед. числа (обращение «ты») шаманом здесь может обозначать его духовную близость к этому духу, а множественное принадлежности может показывать уважение к нему.

Форма императива 2-го лица мн. числа регулярно употребляется в текстах шаманских камланий (*алгыш*), когда шаман обращается к невидимому миру, только ему известным адресатам, своим помощникам с *просьбой* выполнить те или иные действия, необходимые в шаманском камлании в помощь шаману (5) или с

просьбой к хозяевам-духам о покровительстве (6):

(5) *Ийи караам оду болган ийи сарыг арыларым.*

Ала караам оду болган алдын-сарыг арыларым.

Ашитаныңар-чемнениңер. Адыылагар, кайгалдагар.

Артын, иштин овартыгар. Айыыл кээрин бүдүү билгер. [Тыва хамнарның..., с. 143]

‘Являющиеся искрами моих двух глаз, желтые мои пчелы. Являющиеся искрами моих черно-белых глаз, золотистые мои пчелы. Ешьте-кушайте. Слушайте, смотрите. Охраняйте снаружи, изнутри. Чувствуйте, если придет опасность’.

(6) *Хаттыг-Тайгам! Буура-Тайгам!*

Хайыралыг ораннарым!

Карачалды халап-хайдан

Карактаңар, кулактаңар! [Там же, с. 70]

‘О, Хаттыг-Тайга, Буура-Тайга! Дорогие мои места! Оберегайте простого человека от беды!’

Употребление императива 3-го лица

Особым функционированием формы императива 3-го лица, когда преобладает *оптативное* составляющее ее семантики, является употребление в благопожеланиях (*йөрээл*) (7, 8) и проклятиях (*каргыш*) (9). Исполнителем каузируемого действия является референт(ы)-лицо(а), при этом семантические признаки контроля и категоричности не маркируются:

(7) ... *Дөң черге өөн хондурзун!*

Дөъш черге малын одарлатсын!

Оюн оя, чигин чире чурттаар болзун! [Дарыма, с. 18]

‘...Пусть располагает юрту на возвышенности! Пусть пасет свой скот на возвышенности! Пусть живет счастливо!’

(8) ... *Азыраан малын карактап,*

Алдай таңдызындан аңнап,

Оран-делегейинге чалбарып,

Омак-хөглүг чурттап чорзун! [Матпаадыр, с. 29]

‘...Пусть выращивает свой скот. Пусть охотится в тайге. Пусть просит милости у земли. Пусть живет счастливо!’

(9) *Чайгы хүндүс аңнавазын,*

Чалым үнзе, чуглуп өлзүн!

Көрген караа хөмүрлензин!

Көшке дашка бастырзынам! [Тыва хамнарның..., с. 107]

⁸Аржаан – минеральный целебный источник.

⁹Хайыракан – *здесь* дух тайги.

‘Пусть летним днем не охотится. Если взойдет на скалу, пусть упадет и умрет! Пусть его глаза превратятся в угли! Пусть его раздавит обвалом камней!’

Употребление императива 1-го лица

При употреблении формы 1-ого лица мн. числа говорящий является инициатором (побудителем) действия и одновременно соисполнителем его. Типовым употреблением формы 1-ого лица мн. числа, когда одним из исполнителей действия выступает сам говорящий, является функционирование данной формы в текстах шаманских камланий (*алгыш*) в значении *призыва* к совместному действию невидимых помощников шамана. Семантические составляющие значения призыва: каузация действия исходит от говорящего, который является заинтересованным лицом, а также соисполнителем данного действия (вместе с другими адресатами-субъектами); се-

мантический признак категоричности здесь проявляется выше, чем при совете и просьбе (см. об этом выше в тексте); признак контролируемости проявляется в слабой степени:

(10) *Караңгы дун чоруктуглар!*

Хавырлыңар, бөлдүнчүңер!

Хамнап, самнап ойнаалыңар.

Хайгааралдан көрээлиңер! [Там же, с. 38]

‘Передвигающиеся темной ночью, собирайтесь, будем камлать, танцевать, играть, понаблюдаем!’

Таким образом, императив регулярно употребляется как специализированное средство выражения внеязыковых смыслов и отношений в языке тувинского фольклора – шаманских текстах (*алгыш*), благословениях (*йөрээл*), благопожеланиях (*йөрээл*) и проклятиях (*каргыш*), заклинаниях (*чалбарыг*). В Таблице 3 кратко обобщаются полученные сведения.

Таблица 3.

Семантические интерпретации императива и их признаки в обрядовом фольклоре

Семантические интерпретации императива	Фольклорные жанры	Лицо и число показателей императива	Исполнитель каузируемого действия	Семантические признаки	
				категоричность	контроль
Совет	Благословения (<i>йөрээл</i>)	2 Sg / Pl	A-P	+	∅
Просьба	Заклинания (<i>чалбарыг</i>)	2 Sg	A-non P	+	∅
	Шаманские тексты (<i>алгыш</i>)	2 Pl	A-non P	+	+
Желание	Благопожелания (<i>йөрээл</i>), проклятия (<i>каргыш</i>)	3 Sg / Pl	R-P	∅	∅
Призыв	Шаманские тексты (<i>алгыш</i>)	1 Pl	S-A-non P	++	+

Символы, используемые в таблице: ++ – сильное проявление признака; + – слабое проявление признака; ∅ – признак не маркирован.

Типовые употребления показателей императива в текстах обрядовой поэзии тувинцев отражают некоторый фрагмент всего спектра императивных значений, присущих системе императива в тувинском языке в целом. Рассмотренные императивные значения – совет, просьба, призыв, а также оптативное значение – являются обязательными организующими языковыми составляющими текстов обрядовой поэзии тувинцев. Признаки категоричности и контролируемости проявляются слабее (чем в речи и художественном тексте) во всех случаях употребления императивных форм в рассматриваемых текстах. Это объясняется большей долей семантики же-

лания и, соответственно, меньшим присутствием компонента побуждения в употреблении императивных форм в благословениях, благопожеланиях и проклятиях, а также характером адресата – не-лицом в шаманских текстах и заклинаниях.

Работа выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации (проект № 34.3876.2017/ПЧ).

Список литературы

Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Яз. славян. культуры, 2013. 336 с.

Добрушина Н. Р. Оптатив или императив? // URL: <http://ftp.pandia.ru/text/77/388/84365.php> (дата обращения: 10 октября 2017)

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1961. 472 с.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т.1. М.-Вена: Яз. русс. культуры, 1998. 416 с.

Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.

Юша Ж. М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. Новосибирск: ООО «Апельсин», 2009. 166 с.

Дарыма О. Алгыш-йөрээлдер. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2014. 34 с.

Матпаадыр. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1991. 269 с.

Тыва хамнарның алгыштары. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1992. 224 с.

References

Gusev, V. Iu. (2013). *Tipologiya imperativa* [Typology of the Imperative]. 336 p. Moscow, Iaz. slavian. kul'tury. (In Russian)

Daryma, O. (2014). *Algysh-ioreelder* [Wishes]. 34 p. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Tuvinian)

Dobrushina, N. R. *Optativ ili imperativ?* [Optative or Imperative?]. URL: <http://ftp.pandia.ru/text/77/388/84365.php> (accessed: 10 October 2017). (In Russian)

Iskhakov, F. G., Pal'mbakh, A. A. (1961). *Grammatika tuvinskogo iazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan Language. Phonetics and Morphology]. 472 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Iusha, Zh. M. (2009). *Obriadovaia poeziiia tuvintsev: struktura i semantika* [The Ceremonial Poetry of the Tuvinians: Structure and Semantics]. 166 p. Novosibirsk, ООО Apel'sin. (In Russian)

Khrakovskii, V. S., Volodin, A. P. (1986). *Semantika i tipologiya imperativa. Russkii imperativ* [Semantics and Typology of the Imperative. Russian Imperative]. 272 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Matpaadyr (1991) [Thumb]. 269 p. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Tuvinian)

Mel'chuk, I. A. (1998). *Kurs obshchei morfologii* [Course of General Morphology]. T.1. 416 p. Moscow-Vena, Iaz. russ. kul'tury. (In Russian)

Tyva khamnarnyñ algyshtary (1992) [Texts of Tuvan Shamans]. 224 p. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Tuvinian)

The article was submitted on 04.12.2017
Поступила в редакцию 04.12.2017

Ооржак Байлак Чаш-ооловна,
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра «Тюркология»,
Тувинский государственный университет,
667000, Россия, Республика Тыва, Кызыл,
Ленина, 36.
oorzhak.baylak@mail.ru

Oorzhak Baylak Chash-oolovna,
Ph.D. in Philology,
Leading researcher of the Scientific and Educational Center "Turkology",
Tuva State University,
36 Lenin Str.,
Kyzyl, 667000, Republic of Tyva, Russian Federation.
oorzhak.baylak@mail.ru